

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 1

КЛЮЧ ОТ ВСЕХ ДВЕРЕЙ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Ключ от всех дверей

<https://litres.ru/74028081>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он чинит трубы. И открывает любые замки.

Марат Горелов — обычный сантехник. Его работа: краны, батареи, засоры. И тихая страсть — старые замки. Но однажды в унитазе доцента-математика он находит женский носок с биркой дорогого магазина. Девушка, купившая его, не выходит на связь третьи сутки.

Полиция не спешит искать. Начальник советует «не лезть не в своё дело». Но Марат не умеет проходить мимо. Ночью он лезет в вентиляцию, находит тайник с чужими паспортами и понимает: в его микрорайоне исчезают женщины. У каждой — свой маршрут, свои привычки, своё слабое место.

Кто-то собирает эти данные. Кто-то делает дубликаты ключей от всех квартир. Кто-то заходил в его дом, пока его не было.

У сантехника — только отмычки, монтировка и чутьё. А против него — полиция, начальник и те, кто считает, что чужие замки можно открывать без спроса. Даже если за ними — смерть.

Сможет ли один человек вскрыть систему, которая платит миллионы, чтобы тайны оставались тайнами?

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
Пролог	5
Часть 1. Чужие замки	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Гл	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ключ от всех дверей

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

Пролог

Вода капала с кухни.

Кап. Кап. Кап.

Я слышал это как сквозь вату. Звук входил в левое ухо, застревал в затылке и выходил обратно через правую скулу. Гулкий, пульсирующий, словно кто-то настраивал метроном перед казнью.

Я лежал на полу. В коридоре. Лицом вниз.

Щека чувствовала линолеум — холодный, липкий, с продавленными дорожками от старой мебели. Пахло железом, сыростью и ещё чем-то сладковатым. Я понял, что это моя собственная кровь. Она растекалась у виска медленной лужей, смешиваясь с грязной водой из ведра, которое опрокинули полчаса назад.

Или час. Или вечность.

Я попытался пошевелиться. Сначала мысленно: *подними руку*. Ничего. Потом физически — дёрнул плечом. Мышцы отозвались болью, но не движением. Будто меня залили бетоном, оставив только глаза и уши.

И тут я почувствовал это.

Изолента.

Она обматывала мою голову крест-накрест, залепляла рот несколькими слоями. Я попробовал дышать через нос — получалось, но с хрипом. Кончик языка упирался в липкий

слоей клея. Я не мог крикнуть. Даже застонать.

Вдоль спины до пояса проходила верёвка. Обычная бельевая, но сложенная вчетверо. Руки были заведены назад и примотаны к ногам скотчем — в позе, которую в армии называют «связанный криветкой». Я не видел узлов, но чувствовал их металлическую твёрдость. Кто-то знал своё дело.

Слева от моего лица, в пятнадцати сантиметрах, лежали инструменты.

Разводной ключ №2, весь в масляных разводах. Трубогиб с накидной гайкой $\frac{3}{4}$ дюйма. Моток ФУМ-ленты — она вывалилась из кармана и теперь смешно разматывалась к порогу. И ещё кое-что. Маленький чёрный футляр. Я узнал его. Там хранился набор отмычек, которые я сам выточил из сверхпрочной стали. Моя гордость. Моя слабость.

Значит, меня обыскали.

Или, точнее, меня раздели. Не как грабители — бережно, почти профессионально. Вывернули карманы, достали всё, разложили на полу для осмотра. Ничего не украли. Даже кошелек с тремя тысячами остался на месте.

Это был не грабёж.

Я снова закрыл глаза (когда успел их открыть?) и попытался восстановить последние часы. Пустота. Белый шум. Только капли из кухонного крана и собственное тяжёлое дыхание.

Кап.

Внезапно шаги.

Кто-то ходил по квартире. Медленно, тяжело. Подошвы скользили по линолеуму — разношенные рабочие ботинки. Я узнал эту поступь. Или думал, что узнавал.

Шаги приблизились.

Я замер, стараясь не дышать. Изолента на губах хрустела от каждого микродвижения.

Ботинки остановились прямо у моей головы. Я видел их уголком глаза: грязные, с развязанным шнурком на левом, с присохшей цементной пылью на мысках. Такие носят все сантехники, электрики, курьеры. Дешёвая кожа, накладная подошва, стальной подносок.

Человек постоял секунд десять. Потом обогнул меня и направился к прихожей.

Звякнули ключи.

Я повернул голову на сантиметр — насколько позволяла верёвка — и увидел отражение в старой мутной вешалке-зеркале, что висела у двери. Там, в серебристой дымке, мелькнул силуэт. Широкие плечи, застиранная синяя роба, кепка с логотипом «ЖилКомСервис-3». Лица не разобрать — зеркало запотело или я плохо видел из-за крови.

Человек открыл входную дверь.

И... не вышел.

Он зачем-то повернулся ко мне. Снова шагнул в коридор. Теперь ботинки оказались в полуметре от моего носа. Я ощутил запах мазута, дешёвого табака и ещё чего-то приторного — как парфюм, которым мужчины брызгаются в электрич-

ках.

— Ты хороший мастер, Горелов, — сказал он.

Голос был низким, сильным, с лёгкой усмешкой. Незнакомым. Или я просто не узнавал его из-за удара по голове.

— Жалко, что ты полез не в свои трубы.

Он наклонился. Я почувствовал его дыхание на своём затылке.

— Ключи от всех дверей не делают счастливее, — прошептал он. — Они делают только богаче. А богатые не любят свидетелей.

Потом он выпрямился, шагнул за порог и аккуратно — почти нежно — притворил дверь. Я услышал, как ключ поворачивается в замке снаружи.

Один оборот. Второй. Щелчок.

Он оставил меня здесь.

В темноте, в луже собственной крови, с кляпом во рту и верёвками на руках.

Я знал, что он не вернётся. Такие не возвращаются.

Я знал, что у меня есть, может быть, час, пока соседка сверху не вызовет полицию из-за запаха газа (я забыл перекрыть вентиль на кухне, когда меня оглушили).

Я знал, что эти верёвки можно разрезать о край разводного ключа, если дотянуться.

Но самое главное — я знал, кто это сделал.

Потому что эти ключи, которыми он только что запер дверь, я сам выточил для него вчера. На заказ. По восковому

слепку. Для «нового замка на даче», как он сказал.

Я знал его лицо.

Я знал его адрес.

Я знал, что он работал в той же управляющей компании, что и я.

Звали его... Впрочем, это уже неважно.

Важно другое: он забыл надеть перчатки.

А я, лёжа на полу в собственной прихожей, смотрел на блестящий отпечаток его указательного пальца — чёткий, как на дактилоскопическом бланке — на гладкой стали разводного ключа.

Он оставил мне ключ к разгадке.

Даже два.

Один — железный. Второй — его собственная жизнь.

Вода капала. Метроном отсчитывал секунды до рассвета.

Часть 1. Чужие замки

Глава 1

Утро началось с рыбы.

Точнее, с запаха жареной сайры, который пропитал всю лестничную клетку на девятом этаже. Источник находился в квартире напротив — там жила полная женщина в халате, которая постоянно что-то жарила, даже в шесть утра.

Марат Горелов вышел из своей однушки, прикрыл дверь и машинально проверил замок. Два оборота. Всё чётко.

— Здрасьте, — буркнул он, проходя мимо соседки.

— Марат, а у меня кран течёт! — с порога закричала женщина, вытирая руки о фартук. — Третью ночь сплю под капель. Ты же сантехник! Зайди, а?

— Я не работаю бесплатно, Вера Павловна. И не в своей УК. Обратитесь в диспетчерскую.

— Так ты ж свой! — обиделась соседка. — Сосед!

— Тогда кран не течёт, — устало ответил Марат и нажал кнопку лифта.

Лифт не приехал. Как всегда. Он пошёл пешком по лестнице вниз, перешагивая через окурки и пустые бутылки из-под кефира. Восемь пролётов. Триста двадцать ступеней. Он знал их все наизусть, включая ту, шестую, где сломано

ограждение, и ту, четырнадцатую, где кто-то нарисовал маркером неприличный рисунок.

На улице моросило. Сентябрь в этом городе всегда пах мокрым асфальтом, прелыми листьями и безнадёгой. Марат натянул капюшон рабочей куртки (на ней оранжевым было вышито «ЖилКомСервис-3») и зашагал к остановке. До офиса — двадцать минут пешком, но он любил ходить. В движении легче думалось.

Мысли были тяжёлыми.

Третьего дня он получил зарплату — двадцать две тысячи после всех вычетов. Четыре тысячи ушло на коммуналку, пять — на еду, остальное — в конверт, который он хранил под батареей в ванной. На новое сверло для коронки по бетону не хватало. На смену шин на «Логане» (ему уже два года, машина дышала на ладан) — тем более.

Но сегодня не это беспокоило.

Сегодня его беспокоил странный заказ, который он получил вчера вечером. Через приложение «Профи-Сервис» — неофициальную биржу, где сантехники, электрики и слесари брали левые заказы мимо УК. Мужчина, представившийся Игорем Романовичем, просил сделать восковые слепки с трёх замков. Не обычных — с электронными метками, которые ставят в новых коттеджных посёлках. Заплатил сразу десять тысяч. Слепки нужно было привезти сегодня к обеду. Адрес — посёлок «Лесная сказка».

«Что за человек заказывает слепки, а не дубликаты?» —

думал Марат, обходя лужу у киоска с шаурмой. «И почему он не хочет, чтобы ключи резали в обычной мастерской?»

Он не любил такие заказы. В них всегда было что-то нечистое. Но десять тысяч — это почти ползарплаты. Он согласился.

Офис УК «ЖилКомСервис-3» располагался в подвале девятиэтажки на улице Гагарина, 47. Три комнаты с облупившейся краской, запах хлора из подвала и вечно неработающий ксерокс. Когда Марат вошёл, на диване уже сидели слесарь Коля Гончаров (по кличке Жук) и электрик Димон Дохлый.

Жук — здоровенный детина с татуировкой якоря на шее и вечно красными глазами — чистил ногти монтировкой. Он не поздоровался. Димон — тощий, прыщавый парень в очках — листал ленту в телефоне и нервно хихикал.

— Горелов, — дверь кабинета начальника открылась. Оттуда высунулся **Вадим Эдуардович** — мужчина под пятьдесят, короткая стрижка, физруковая шея, глаза — как у сома. — Зайди.

Марат вошёл.

Кабинет начальника был единственным местом в УК, где не пахло сыростью. Здесь пахло дешёвым табаком и перегаром — Вадим Эдуардович начал выпивать где-то с обеда, а к вечеру уже был «в тонусе». На стене висела фотография: он сам с бывшим мэром на открытии какого-то мусорного полигона. Грамота. Иконка.

— Садись, — Вадим указал на стул. — Есть разговор.
Марат сел.

— В корпусе 4, квартира 91, — начальник бросил на стол клочок бумаги. — Пенсионерка Антонина Сергеевна. Жалуются на шаги в стене. Сходи, проверь. Стояки, трубы, вентиляцию. Если ничего нет — скажи, что показалось. Старые люди любят шуметь.

— Понял, — Марат взял бумажку.

— И ещё, — Вадим прищурился. — В корпусе 7, квартира 33. Жилец Аристархов Лев Евгеньевич. Интеллигент, доцент, математик. Бабы из соседних подъездов жалуются, что он за ними следит. Фоткает, когда они из душа выходят. Нам заявлений пока не писали, но ты... глянь. Может, увидишь что подозрительное. Унитаз там засорился. Заодно прочистишь.

— Засоры принимает аварийка, — сказал Марат. — А я по замене смесителей.

— А я тебе говорю — иди, прочисти, — голос Вадима стал жёстче. — И глянь по сторонам. Если найдёшь камеры или фиксацию — доложи мне. Не в полицию, а мне. Понял?

Марат кивнул.

Он не любил такие поручения. В них всегда пахло чем-то личным. Вадим Эдуардович бывший мент — из тех, кто ушёл из органов «по собственному», но на самом деле — после того, как его поймали на сделке с наркоторговцами. Он не гнушался ничего. И Марат это знал.

— Свободен, — начальник повернулся к компьютеру.

Выйдя из кабинета, Марат столкнулся взглядом с Жукком.

Тот оскалился — щербатая улыбка, стальные зубы.

— Слышал, — прохрипел Жук. — Ты теперь ищейка. А раньше просто трубы чистил.

— Я чищу и сейчас, — спокойно ответил Марат. — В отличие от некоторых, кто только языком треплет.

Жук медленно поднялся. Рост — под метр девяносто. Вес — за сотню. Руки как брёвна. Димон Дохлый испуганно пискнул и выскочил из комнаты.

— Повтори, Горелов, — сказал Жук, склоняясь вперёд.

— Треплет, — повторил Марат, глядя в красные глаза. —

Ты слышал, я не шепчу.

На секунду в комнате повисла тишина. Где-то наверху, в квартирах, плакал ребёнок. В подвале гудела старая тепло-трасса. Марат чувствовал, как под рёбрами нарастает холод — это от страха, но он научился не подавать виду.

— Ладно, — Жук вдруг усмехнулся и сел обратно. — Раньше тебя ещё. Вадим сказал — пока не трогать.

— Что значит «пока»? — спросил Марат.

— Ничего, — Жук отвернулся и снова принялся чистить ногти. — Работай, Горелов. Твоя работа — трубы. Моя — люди.

Марат вышел на улицу.

Морось усилилась. Он поднял воротник, достал из кармана телефон и открыл приложение «Профи-Сервис». Новое

сообщение от Игоря Романовича:

«Сегодня в 14:00. Приносите готовые слепки. Въезд в Лесную сказку через КПП, скажете “к Шульгину”. Охрану предупредил.»

Шульгин. Марат вбил фамилию в поиск. Выскочило. **Шульгин Игорь Романович**, 54 года, владелец сети клиник «МедПрайм», несколько уголовных дел — все закрыты за отсутствием состава. Живёт в коттеджном посёлке «Лесная сказка». Состояние — от ста миллионов.

«Так вот ты какой, — подумал Марат. — Богатый человек, который не хочет светить заказ на дубликаты ключей. Интересно, что ты прячешь?»

Он сунул телефон в карман и зашагал в корпус 4, к пенсионерке с шагами в стене.

Ему казалось, что это очередной рядовой вызов.

Он ошибался.

Глава 2

Корпус 4 стоял в глубине микрорайона, зажатый между детским садом и автостоянкой. Панельная девятиэтажка, как все здесь: серые стены, облупившийся цоколь, козырьки над подъездами, проржавевшие до дыр. Окна первого этажа зарешечены. На втором — висело бельё, несмотря на дождь.

Марат вошёл в подъезд.

Традиционный запах: кошки, хлорка и жареные пирожки. На стене объявление: «Соседи, не мусорите в лифте!» Под ним кто-то приписал фломастером: «Сами вы мусор».

Лифт работал — чудо. Марат нажал кнопку «9». Двери закрылись медленно, с протяжным скрипом, будто нехотя. Кабина пахла чужой мочой и дешёвым освежителем «Морской бриз».

«Девятый этаж, — подумал Марат, глядя на кнопки. — Девяносто первая квартира. Пенсионерка Антонина Сергеевна, 67 лет. Жалоба: шаги в стене по ночам».

Он помнил эту квартиру. Ремонтировал там сливной бак три года назад — тогда бабка жаловалась на шум в батареях. Сказали — воздушная пробка. Стравил воздух. Она успокоилась на неделю.

Теперь шаги.

Двери открылись. Коридор девятого этажа был узким, как артерия. Три лампочки дневного света — две перегорели,

третья мигала, создавая эффект стробоскопа. Пол — старая плитка, местами выкрошенная.

Марат подошёл к квартире 91. Дверь — железная, старого образца, с облупившейся коричневой краской. Глазок заклеен изолентой. Замок — обычный сувальдный, недорогой, китайский. На ручке висела иконка — лик святого, распечатанный на принтере и заламинированный скотчем.

Он позвонил.

Звонок прозвучал глухо — внутри никого не было? Или бабка глухая.

Позвонил ещё раз.

За дверь послышалось шарканье — тапочки по линолеуму. Щёлкнул замок. Дверь открылась на цепочку. В щели показался глаз — мутный, с красноватым белком, окружённый глубокими морщинами.

— Кто там?

— Марат Горелов, сантехник из УК. По поводу шума в стене.

— А-а-а, — бабка сняла цепочку и распахнула дверь. — Заходи, сынок. Заждалась уже. Третью ночь не сплю. Стучат, стучат. Я уж думала — грабители.

Антонина Сергеевна оказалась маленькой, сухонькой старушкой в цветастом халате. Волосы — седые, собраны в пучок. Глаза — живые, быстрые, смотрели цепко. Такие бабки продавщиц в ларьках не обманут и в карты обыграют кого угодно.

— Показывайте, где стучит, — Марат снял кроссовки и ступил в прихожую.

Квартира была маленькой — две комнаты, кухня, совмещённый санузел. Обстановка бедная, но чистая. На стенах — старые ковры с оленями. На тумбочке — чёрно-белая фотография: мужчина в военной форме, 1970-е годы.

— Мой покойный, — перехватила взгляд Антонина Сергеевна. — Царствие небесное. Воевал, вернулся, а сердце не выдержало. Теперь одна.

— Где стучит? — повторил Марат, не включаясь в разговор.

— В спальне, — бабка повела его в маленькую комнату, где стояла железная кровать, тумбочка и старый шкаф. — Вот здесь. За стеной.

Она показала на стену, смежную с лестничной клеткой. Марат подошёл, приложил ухо. Тишина. Только где-то далеко гудела вентиляция.

— А когда стучит?

— Ночью. Часов в двенадцать начинается. Тук-тук-тук. Будто кто-то пальцем. Потом стихает. А через час опять. До самого утра.

— Может, трубы? — предположил Марат. — Гидроудар. Расширение металла.

— Сынок, я всю жизнь в этом доме прожила. Трубы я знаю. Это не трубы. Это шаги. Человеческие шаги. По ту сторону стены.

Марат осмотрел стену. Обои — старые, в цветочек, кое-где отходят. Плинтус — деревянный, щербатые. Он постукивал по стене костяшками. Глухой звук — бетон. Толщина — сантиметров двадцать. За стеной — лестничная клетка. С той стороны стены на девятом этаже никого быть не могло — только узкий проход, трубы отопления и щиток с электросчётчиками.

— А у соседей слышно? — спросил Марат.

— Каких соседей? — удивилась бабка. — Справа — восьмидесятая. Там живёт семья с ребёнком. Они ничего не слышат. А слева — девяносто вторая, но там уже три года никто не живёт. Хозяин в Москву уехал. Квартира пустует.

— В пустой квартире шаги? — переспросил Марат.

Антонина Сергеевна замялась.

— Я... ну, может, показалось. Но стук-то я слышу. Вот откуда он, если там никого нет?

Марат прошёл на кухню. Осмотрел стояки, трубы горячей и холодной воды. Всё сухо, без течи. Слил воду в унитазе — работает нормально. Прочистил сифон под раковиной — ничего особенного, обычный жир и волосы.

— Вентиляцию смотрели? — спросил он, возвращаясь в прихожую.

— А что её смотреть? — бабка пожалала плечами.

Он отодвинул пластиковую решётку в стене. Вентиляционный короб уходил вверх, в темноту. Марат посветил телефоном. Пыль. Паутина. И... ничего.

Но, отходя от стены, он заметил кое-что странное.

В замке входной двери торчала тонкая леска. Белая, почти незаметная, длиной сантиметров пять. Один конец был зажат между корпусом замка и дверной ручкой. Второй — свисал вниз, к полу.

Марат выдернул леску, повертел в пальцах. Гладкая. Прочная. Такая используется в рыболовных снастях или... в отмычках для подбора кода в сувальдных замках.

— Антонина Сергеевна, — спросил он, не оборачиваясь.

— А кто-нибудь пытался вскрыть вашу дверь?

— Нет, — ответила бабка, но как-то неуверенно. — А... погодите. Третьего дня я ключ сломала в замке. Ну, этот, китайский. Он и так хлипкий был. Пришлось соседа звать, чтобы вытащил обломок. А сегодня утром смотрю — а в замке что-то белееет. Я подумала — мусор прилип.

— Какого соседа? — Марат обернулся.

— С первого этажа. Витька. Он у нас мастер на все руки. И замки чинит, и ключи режет. Хороший парень. Только выпивает.

— Витька? — Марат нахмурился. — Фамилия?

— А кто ж его знает. Просто Витька. Он тут недавно, месяца три. Квартиру снимает в первой парадной. Говорит, из другого города приехал.

Марат сунул леску в карман.

— Я посмотрю вентиляцию на чердаке, — сказал он. — Может, там крысы или птицы. А вы пока не волнуйтесь.

Дверь запирайте на все замки. И цепочку вешайте даже днём.

— А что так? — испугалась бабка.

— Так спокойнее будет, — ответил Марат и вышел в подъезд.

Леска жгла карман.

Он не верил в совпадения. Сломанный ключ, леска в замке, пустая квартира слева, шаги в стене по ночам. Если кто-то имел доступ к чужой квартире, он мог заходить туда через пустующую девятую в первую. А оттуда — стена смежная с спальней пенсионерки. Через стену можно слушать. Можно смотреть через микроскопическое отверстие, замазанное шпаклёвкой.

Марат подошёл к двери квартиры 92. На ней висела синяя табличка: «Выселены. Вход воспрещён». Замок — другой, не такой как у бабки. Сложнее. Сувальдный, но с дополнительной защёлкой.

Он наклонился к замочной скважине.

И почувствовал запах.

Табак. Дешёвый, крепкий, с горчинкой. Такой курят рабочие — «Прима» или «Винстон» без фильтра. И этот запах шёл из-за двери.

Кто-то был внутри.

Недавно.

Марат достал телефон и сфотографировал замок. Потом отошёл к лифту, нажал кнопку вызова — и быстро зашагал вниз по лестнице, пока лифт ехал вверх (старый трюк: при-

манка для того, кто мог следить через дверной глазок).

Он спустился на первый этаж, вышел из подъезда и обошел дом с торца. Там, где были окна квартиры 92 — глухая стена. Но он заметил, что вентиляционная решётка на уровне первого этажа была сломана. Внутрь мог пролезть человек.

«Не Витька с первого этажа, — подумал Марат. — И не крысы. Кто-то имеет ключи от пустых квартир. Кто-то проникает в дом ночью. Кто-то ходит по стенам».

И вдруг он вспомнил заказ от Игоря Романовича. Слепки замков. Дорогие электронные замки в коттеджном посёлке.

Он посмотрел на леску в своей руке.

— Совпадение? — пробормотал он вслух.

И сам себе ответил:

— В нашей работе совпадений не бывает. Только недокрученные гайки и те, кто их недокрутил.

Он зашагал к корпусу 7. К доценту Аристархову.

Второй вызов ждал его.

Глава 3

Корпус 7 стоял в конце микрорайона, у самой дороги. Торцом он выходил на пустырь, за которым начинался лесопарк — тонкая полоска чахлах берёз и кривых сосен, за которой угадывалась трасса. По ночам здесь гуляли подростки с пивом и бездомные. Днём — тишина и редкие мамочки с колясками.

Марат вошёл в подъезд.

Здесь пахло иначе. Не кошками и жареной картошкой, а сыростью и мочой — подъезд не ремонтировали лет десять. Стены были исписаны граффити: «Кто не курит и не пьёт — тот здоровеньким умрёт», «Люся + Саша = любовь», и совсем недетское про ментов. Лифт не работал — табличка «Бригада» висела косо, примотанная синей изолентой.

Марат пошёл пешком. Третий этаж. Квартира 33.

Дверь была железная, но хорошая — с броненакладкой, глазком и двумя замками: сувальдным и цилиндрическим. Под дверью — коврик «Welcome» (вытертый до дыр) и пара грязных кроссовок 45 размера. Рядом — плевательница из пластиковой бутылки.

Марат позвонил.

Ни звука. Он нажал ещё раз — теперь подольше, с нажимом. За дверью слышалось шарканье (как у бабки, только тяжелее — мужское), потом долгий, утробный кашель.

Щёлкнул замок. Дверь открылась ровно настолько, чтобы в щель просунулось лицо.

Аристархов Лев Евгеньевич оказался мужчиной лет сорока восьми, но выглядел на все шестьдесят. Жидкие, давно не мытые волосы, красные веки (хронический недосып или что похуже), мешки под глазами. Одет в тренировочные штаны и растянутую футболку с надписью «MIT» (Massachusetts Institute of Technology — явно подделка). От него пахло кислым — перегаром или несвежей одеждой.

— Вы из УК? — спросил он сиплым голосом, разглядывая Марата.

— Горелов, сантехник. У вас засор канализации.

— А, да-да, — Аристархов открыл дверь шире и посторонился. — Проходите. Только обувь не снимайте. Всё равно тут... сами видите.

Марат вошёл.

Квартира была похожа на общагу после нашествия саранчи. Прихожая завалена книгами — математические фолианты, старые журналы, какие-то распечатки на нескольких языках. Коридор вёл в комнату, но идти было некуда — везде горы одежды, пустые бутылки из-под кефира, коробки из-под пиццы. Пахло затхлостью, кислым молоком и ещё чем-то сладковатым — химическим, как растворитель.

Аристархов заметил его взгляд и нервно усмехнулся.

— Пишу диссертацию. Не до уборки.

— А где у вас туалет? — спросил Марат, хотя знал: в хрущёвках санузел совмещённый, справа от входа.

— Там, — Аристархов махнул рукой. — Засор в унитазе. Вода не уходит. И соседи снизу жалуются — у них с потолка капает.

Марат зашёл в санузел. Тесный, как пенал. Ванна старая, чугунная, с облупившейся эмалью. Раковина забита. Унитаз — белый, советский, с пластиковым бачком. Вода стояла почти до краёв, мутная, с серыми хлопьями.

Он достал резиновые перчатки, вантуз и трос. Опустился на колени.

Работал молча, быстро. Аристархов стоял в дверях и смотрел. Смотрел как-то странно — не на руки Марата, а на его лицо, на его затылок, на шею. Оценивающе. Как будто запоминал каждую родинку.

— Вы давно здесь живёте? — спросил Марат, не оборачиваясь.

— Три года, — ответил Аристархов. — После развода. Жена осталась в центре, а мне досталась эта... клоповник.

— Доцент, говорите? Математик?

— Прикладная математика. Теория вероятностей, математическое моделирование. Сейчас работаю над... — он запнулся, — одним проектом.

— Не в университете?

— В университете тоже. Но проект частный.

Марат протолкнул трос глубже. На конце что-то зацепи-

лось. Он потянул — и вытащил комок грязной тряпки, перемешанной с... Он присмотрелся.

Женский носок.

С кружевами. Розовый. С биркой примерочной.

— Это ваше? — спросил Марат, поднимая находку.

Аристархов побледнел. Потом взял себя в руки и засмеялся — неестественно громко, с хрипотцой.

— Это я тренируюсь в заплывах! — сказал он. — Шучу, конечно. Наверное, девушки приходили. У меня иногда... гости.

— Понятно, — Марат аккуратно, стараясь не показывать интереса, положил носок на край ванны. — Я вытащил зазор. Дальше прочистит самотеком.

— Спасибо, — Аристархов протянул мятую купюру — тысячу рублей. — Вот, вам на чай.

Марат не взял.

— Оплата через УК. У вас есть заявка, я выполнил.

Он вытер руки, снял перчатки и огляделся. Взгляд упал на вентиляционную решётку — пластиковую, белую, новую. В отличие от всего остального в этой квартире, она была идеально чистой.

Слишком чистой.

Марат шагнул к решётке, делая вид, что рассматривает трещину на стене. Опустился на корточки, завязал шнурок — и искоса заглянул в щель между решёткой и стеной.

Он увидел крошечный объектив.

Камера. Скрытая, диаметром не больше спичечной головки. Вмонтирована в пластик. Направлена — в коридор, прямо на входную дверь.

— Что-то не так? — раздался голос Аристархова за спиной.

Марат медленно выпрямился, поправил шнурок.

— Всё в порядке. Я пойду. Если засор вернётся — вызывайте аварийку.

Он вышел в коридор. У двери остановился и спросил как бы невзначай:

— А у вас камеры наблюдения в подъезде есть? Я не видел.

— Нет, — слишком быстро ответил Аристархов. — Дом старый. Экономия.

— Жаль, — Марат кивнул. — А то в вашем доме, говорят, девушки пропадают.

Аристархов замер. Его глаза — красные, воспалённые — на секунду стали жёсткими. А потом снова ушли в апатию.

— Врут, — сказал он. — Кому нужно пропадать в таком районе?

Марат вышел, дверь за ним захлопнулась. Щёлкнул замок — не один оборот, а два. Потом лязгнула цепочка.

Он постоял секунду на лестничной клетке, прислушиваясь.

Из-за двери доносился шорох. Быстрые шаги. Щелчок — открывается что-то другое (шкаф? сейф?). Потом голос Ари-

стархова — приглушённый, но напряжённый:

— Он был. Да. Сантехник. Я не знаю... Нет, ничего не заметил. Камеру? Камера в порядке. Но носок... да, он вытащил носок. Пришлось врать про гостей.

Марат тихо, на цыпочках, двинулся вниз по лестнице.

В кармане у него лежал розовый носок. Он украл его, пока Аристархов отвлёкся. И бирка — с логотипом торгового центра «Солнечный».

Выйдя из подъезда, Марат достал телефон и набрал номер.

— Алло, это справочная ТЦ «Солнечный»? Да, я хочу уточнить по поводу покупки... У меня есть номер артикула на бирке. Можете пробить? Очень нужно.

Девушка на том конце провода долго что-то щёлкала, потом ответила:

— Этикетка оформлена на кассу №4. Покупка была три дня назад. Девушка, 23 года, по паспорту Ким Алина Сергеевна. Сумма — 1590 рублей. Носки, да. Что-то ещё?

— Нет, спасибо, — Марат сбросил звонок.

Ким Алина Сергеевна. 23 года. Купила розовые кружевные носки три дня назад.

Вопрос: как эти носки оказались в унитазе у доцента-математика на третьем этаже, в квартире, которая пахнет кислым и смертью?

И почему Аристархов соврал про гостей, когда носок был единственной вещью в унитазе, а не в мусорном ведре?

Марат посмотрел на часы. 13:30.

Через полчаса ему нужно быть в коттеджном посёлке «Лесная сказка». Отвозить слепки замков Игорю Романовичу Шульгину.

Он вдруг подумал: а знает ли Шульгин Аристархова? Или это две параллельные линии? Или одна — та, что ведёт к деньгам, вторая — та, что ведёт к телу?

Он достал телефон и вбил в поиск: «Аристархов Лев Евгеньевич Шульгин Игорь Романович связь».

Пусто.

Ни одного пересечения.

Но Марат знал: в математике нет пустот. Есть только переменные, которые ещё не подставили.

Он спрятал телефон и зашагал на остановку. По пути купил пирожок с капустой и съел его на ходу, не чувствуя вкуса.

Мысли вертелись вокруг одного:

— Три дня назад Алина купила носки.

— Три дня назад сломался замок у бабки (или его сломали).

— Три дня назад ему, Марату, поступил заказ от Шульгина на восковые слепки.

— Три дня.

Не два. Не четыре. Три.

Будто кто-то запустил таймер.

И он, Марат Горелов, сантехник из УК «ЖилКомСервис-3», оказался в центре этого таймера.

До взрыва оставалось неизвестно сколько.

Глава 4

Домой Марат вернулся только к вечеру.

После визита к Аристархову он заскочил в офис УК, отчитался о выполненной работе (про носок и камеру, разумеется, умолчал), получил следующий наряд на завтра — замена батареи отопления в корпусе 2, квартира 15 — и отправился в «Магнит» у дома. Купил гречку, куриную грудку, пачку чёрного чая и бутылку кефира. Дома разогрел вчерашний суп, поел молча, глядя в стену.

Мысли не отпускали.

Розовый носок лежал на столе.

Марат выложил его, когда зашёл в квартиру, и с тех пор не убирал. Носок был маленьким — тридцать шестой, тридцать седьмой размер. Девушка. Худенькая. Кружева — недорогие, масс-маркет. Бирка — бумажная, с логотипом ТЦ «Солнечный», штрих-кодом и датой продажи.

Он ещё раз посмотрел на бирку.

«15.09.2025. Касса 4. Продавец: Королёва И.»

Три дня назад.

Он взял телефон и набрал номер справочной торгового центра. В трубке долго играла музыка — «I Will Always Love You» в обработке на синтезаторе. Наконец ответила уставшая женский голос.

— Справочная ТЦ «Солнечный», слушаю.

— Добрый вечер, — Марат старался говорить спокойно, по-деловому. — У меня есть чек, я хотел бы уточнить детали покупки. Номер кассы 4, дата 15 сентября. Продавец Королёва И. Мне нужно узнать, кто купил товар. По паспорту, если возможно.

В трубке повисла пауза.

— Вы полиция? — спросила женщина.

— Нет, я... частное лицо.

— Тогда не могу. Персональные данные — это статья 137 УК РФ. Обратитесь с запросом в правоохранительные органы.

— У меня товар, который мог быть украден, — соврал Марат. — Я хочу вернуть владельцу.

— Напишите заявление в полицию. Они придут к нам с запросом — тогда другое дело. Извините.

Женщина повесила трубку.

Марат посмотрел на телефон, потом на носок. Есть другой путь.

Он открыл ноутбук — старый «Lenovo», который купил на «Авито» за четыре тысячи. Загрузился он минуты три, вентилятор гудел как взлетающий самолёт. Марат открыл браузер и ввёл в поиск: «Ким Алина Сергеевна».

Ссылок было немного.

ВКонтакте — профиль закрыт, только аватар: девушка с длинными тёмными волосами, в джинсовой куртке, на фоне моря. Друзей — 147. Последняя запись на стене — от 12

сентября: «Завтра последний день на работе, ура! Ищу подработку на вечер. Кто что посоветует?»

Instagram — открытый, но без публикаций с сентября. В основном фото еды, селфи, цитаты про любовь. Подписчиков — 320. В сторис — пусто.

В телеграм-каналах — ничего.

Марат нашёл ещё одну зацепку: в её лайках была отмечена страница волонтёрского приюта для бездомных «Тёплый кров». Она поставила сердечко под постом от 10 сентября: «Ищем волонтёров на раздачу ужинов. Вторник, четверг, суббота с 19 до 22».

Значит, Алина могла работать там.

Он записал адрес приюта: улица Заводская, 15.

Закрыв ноутбук. Пошёл на кухню — налил чай, насыпал три ложки сахара (пить горький не любил). Сел обратно к столу. Носок всё ещё лежал на том же месте, подсвеченный жёлтым светом настольной лампы.

Почему Аристархов солгал про гостей?

Почему носок был в унитазе, а не в мусорке?

Если девушка ушла сама — вещи не засоряют канализацию. Их выбрасывают в ведро. Если девушку убили — тело прячут, а вещи сжигают или закапывают. Но засовывать носок в трубу? Это странно. Это нелепо. Это похоже на... панику. Или на послание.

«Смотрите, я здесь был, — как будто говорил кто-то. — Я трогал её. И мне всё равно, если вы найдёте».

Марат взял носок в руки. Понюхал. От него пахло стиральным порошком — свежий, чистый. Значит, его стирали. Но если его стирали, почему он в унитазе? Надели, постирали, а потом... зачем?

Он отложил носок и потёр глаза.

В висках стучало. Сказался долгий день — подъёмы в четыре утра, два вызова, постоянное напряжение. Он допил чай, выключил лампу и лёг на диван, не раздеваясь. Всё равно спать в джинсах было привычно.

Закрыл глаза.

В темноте, в шуме старого дома (скрипят полы, гудит труба отопления, где-то лает собака) мысли замедлились, растеклись как масло по сковородке.

Он подумал о бабке Антонине Сергеевне. О леске в замке. О пустой квартире 92. О шагах в стене. О камере в вентиляции у Аристархова. О розовом носке. О заказе от Шульгина.

Все эти детали были как отдельные замки. А он, Марат Горелов, сантехник-самоучка, коллекционер ключей, чувствовал, что где-то есть один ключ, который откроет их все. Один. Маленький. Металлический.

Но где он?

Мысли путались, затягиваясь туманом.

Он заснул.

И приснился сон.

Он стоял в подъезде. В своём, в котором жил. Девятиэтажка, облупившиеся стены, запах кошек и хлорки. Лампочка мигала — то загоралась, то гасла.

В одной руке у него была связка ключей. Десятки. Сотни. Они позвякивали, как колокольчики. В другой руке — пусто.

Он начал открывать двери.

Первый этаж, квартира 1. Железная дверь. Он вставил ключ — не подошёл. Второй — подошёл. Дверь открылась. За ней — стена. Серая, бетонная. Ни квартиры. Ни комнаты. Просто тупик.

Он пошёл выше.

Второй этаж, квартира 8. Ключ подобрался с третьей попытки. Дверь открылась — пустота. Те же серые стены.

Третий этаж. Четвёртый. Пятый.

За каждой дверью — пустота. Бетон. Молчание.

Ключи звенели, руки устали. А он всё открывал и открывал. Девятый этаж. Подошёл к своей квартире. Достал ключ. Вставил в замок. Повернул.

Дверь открылась.

За ней — не пустота.

За ней — коридор. Очень длинный, уходящий в бесконечность. Стены — не серые, а белые. Холодные. Гладкие. И в конце коридора — человек.

Стоит спиной. В рабочей синей робе. Кепка с логотипом «ЖилКомСервис-3».

Марат хотел крикнуть. Не смог.

Человек медленно повернулся.

Лица не было. Пустота. Гладкая, бледная кожа без глаз, без рта, без носа.

И тогда Марат понял.

Он открыл не свою дверь.

Он открыл дверь в чужую голову.

И тот, кто там жил, не хотел, чтобы его видели.

Человек без лица шагнул вперёд. Раз — и оказался прямо перед Маратом. Протянул руку. На ладони — ключ. Самый обычный, китайский, с пластиковой головкой.

Марат взял его. Ключ был горячим, как только что вынутый из замка.

— Открой, — сказал человек без лица. Голос был его собственным. — Открой всё.

Марат проснулся.

Сердце колотилось где-то в горле. На лбу — холодный пот. Диван промок под спиной.

В квартире было темно. За окном — ночь. Где-то наверху, у соседей, играла музыка — «Мумий Тролль», старая, девяностых годов.

Марат сел, обхватил голову руками.

Во рту пересохло. Он встал, пошёл на кухню, налил воды из фильтра. Выпил залпом стакан, потом второй.

Вернулся в комнату.

Взгляд упал на носок. Тот лежал на столе, розовый и безобидный, как игрушка.

Марат взял его и убрал в ящик комода.

Потом подошёл к стене, где висела его коллекция замков. Десятки экземпляров — от простых китайских до старых немецких, от сувальдных до цилиндрических. Каждый со своей историей. Каждый — маленькая загадка, которую он однажды решил.

Он провёл пальцем по ближайшему замку — старому, ещё советскому, с блестящей латунной головкой.

— Что ты хочешь мне сказать? — прошептал он.

Замок молчал.

Марат лёг обратно. Закрыв глаза. Заснуть не получилось.

Он лежал и смотрел в потолок, пока за окном не начало светать.

Первый луч солнца упал на коллекцию.

Замки блеснули, как зубы улыбающегося хищника.

Утро началось.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.